



Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А.В. Баранов

Региональная политическая
культура Юга России в контексте
теории социокультурных
размежеваний

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Baranov_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
СОЦИОКУЛЬТУРЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ**

Андрей Владимирович БАРАНОВ

доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор,
кафедра политологии и политического управления
Кубанского государственного университета,
Краснодар

Доклад представлен на пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН по политической регионалистике.

Специальное заседание:

T22-4 «Региональные политические культуры и электоральное пространство».

21 ноября 2009 г.

Одна из основных типологий политических культур - территориальная. Электоральное поведение россиян во многом зависит от региональных и локальных социокультурных факторов. Стратегии избирательных компаний станут эффективными только с учетом территориального измерения культуры.

Объект анализа: политико-культурные лакуны, т.е. территориальные сообщества людей, контрастирующие по идентичности и установкам деятельности с системами более высокого уровня. Лакуны проявляются в совокупности познавательных, эмоциональных, оценочных ориентаций.

Цель работы – сравнить политико-культурные лакуны субрегионов Юга России в долгосрочном и краткосрочном проявлениях. Выборку территорий составили: Черноморское побережье, Кавказские Минеральные Воды, агломерация Ростов – Таганрог.

Методология анализа: теория социокультурных расколов (С.Липсет, С.Роккан), модель диффузии инноваций (Т.Хегерstrand).

Долгосрочные системообразующие факторы лакунарности: географическое расположение территориальных сообществ, историческая специфика, экономические особенности, социальный и этнический состав населения, политический статус местности, геополитическое значение территории в рамках России, местная идентичность. Краткосрочными факторами являются: степень институционализации локальных элит и групп интересов, преобладающие формы политического участия, электоральные ориентации, уровень угроз безопасности.

В работе определяются проявления и индикаторы данных факторов. Геополитическая специфика избранных лакун: они – «ключевые пункты» регионального пространства, узлы коммуникационных потоков. Исторический контекст различен. Черноморское побережье и Ростовская агломерация – регионы мирного общероссийского освоения, Кавказские Минеральные Воды – часть Терской казачьей области в зоне межэтнических и межрегиональных контактов.

Экономический фактор сближает все три лакуны как районы с преобладанием третичного сектора, высокоинтегрированные в международные связи, «локомотивы роста» в сравнении с окружающим агропромышленным регионом. Социальная специфика: повышенная урбанизированность, значительная занятость в «теневой» экономике, относительно высокий уровень жизни, наиболее интенсивная миграция и мобильность сообщества. Этнический состав на порядок более мозаичен и быстрее меняется, чем в казачьих и горских местностях. Политические статусы трех лакун неравновесны: Ростовская агломерация дает основной состав региональной элиты,

Черноморское побережье и Минводы – «теневые» очаги элитогенеза, соперничающие с административными центрами.

Фактор идентичности: местные сообщества воспринимают себя как «иных», отдельных от окружающих регионов, более восприимчивых к нормам общероссийской культуры и императивам глобализации.

Политико-территориальные лакуны внешне выражаются в электоральных ориентациях местных сообществ. Индикаторы своеобразия изучаемых субрегионов: повышенный (относительно южнороссийского) уровень абсентеизма и голосования «против всех»; повышенная поддержка либеральных партий и кандидатов (суммарно 10-14 % за СПС и «Яблоко» на думских выборах 2003 г.); пониженная поддержка коммунистов местных сообществ растет роль миграционной и этнополитической проблематики. Отмечена повышенная поддержка ЛДПР и «Родины» в районах потенциальных конфликтов. Причем «промышленные» Ростов и Новороссийск оказали большую поддержку национал-консерваторам, чем «курортные» Сочи и Пятигорск. В избирательных кампаниях по выборам глав регионов и законодательных органов власти отмечена пониженная явка жителей Черноморского побережья и Минеральных Вод, что подтверждает влияние локального автономизма вплоть до идеи образования собственных субъектов федерации.

Политические предпочтения избирателей данных регионов - тема, актуальная в силу своей малоизученности и острой дискуссионности. Тема является одним из важных аспектов более широкой проблематики электоральной географии, политической социологии, политического менеджмента. Она междисциплинарна как по источниковой основе (статистика и картография выборов, периодическая печать), так и по методам анализа (построение вариационных и динамических рядов, агрегирование индикаторов, сравнительный анализ). Мы предпримем попытку показать неоднородность электорального пространства в контексте строения политической культуры.

Тема относительно нова для политической науки в России. Актуальность ее очевидна. Российское политическое пространство прерывисто, неоднородно, дискретно. Россия – это многоукладное («многосоставное» по А. Лейпхарту, «расколотое» - по А. Ахиезеру) общество. Страна живет как бы в разных эпохах одновременно (от постиндустриальных очагов – Москвы и Петербурга до военно-патриархальных вожеств Чечни). Направленность политических процессов и скорость перемен в регионах различаются коренным образом, на порядок. Обрисованные факторы до сих пор слабо рефлектируются научным сообществом и практикующими политиками. Предстоит

создать в будущем системную концепцию региональной политики, которая немыслима без опоры на социокультурные факторы строения нашего общества.

Исследование региональных политических культур неизбежно носит междисциплинарный характер. Его теоретические основы разрабатывались в русле географии культуры (К. Зауэр, К. Солтер, Дж. Голд)¹, электоральной географии (А. Зигфрид, Дж. Тернер)², политической психологии (Г. Алмонд и С. Верба)³, политической социологии (Л. Пай, Д. Элазар)⁴ и других отраслей политических наук. На материалах современной России региональные политические культуры выявлены и систематизированы в работах Н.А. Косолапова, Р.Ф. Туровского, Е.В. Морозовой, Л.А. Фадеевой, О.Б. Подвинцева и др.⁵ Вместе с тем исследования региональных политических культур слабо скоординированы, не говоря уже о сравнительном анализе и прогнозе на субрегиональном уровне. Р.Ф. Туровский справедливо отмечал в 1999 г., что самым неизученным остается мезоуровень территориальных политических культур – административные районы и города России. Между тем именно этот уровень объектов исследований оптимален для постижения пространственной структуры и динамики политических культур⁶.

Политические предпочтения избирателей горожан Юга изучались в качестве региональных проявлений общероссийских процессов в работах В.А. Колосова, Г.В. Марченко, Р.Ф. Туровского, Н.В. Петрова, А.С. Титкова и других аналитиков⁷. Другой аспект - электоральное пространство в контексте региональных политических культур

¹ Голд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990; Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.

² См.: Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. С.37.

³ См.: Almond G, Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963. США: экономика, политика, идеология. 1992. № 11. С.85; Elazar D.J. The American Mosaic: The Impact of Space, Time and Culture on American Politics. Boulder, 1992; Conforti J.A. Imagining New England. Chapel Hill, London, 2001; Murrey J.A. Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination. Northland Publishing, 2001.

⁴ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2; Federal Systems of the World / Ed. by D.D. Elazar. Stanford, 1992.

⁵ См.: Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994; Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999; Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998; Региональное самосознание как фактор формирования политических культур в России / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999; Фадеева Л.А. Политические традиции и региональная политическая культура Прикамья // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2001. Вып. 1. С. 46–69; Целевая программа развития политической и правовой культуры населения Пермской области на 2002 – 2006 гг. Пермь, 2002.

⁶ Туровский Р.Ф. Политическая география ... С. 357-359.

⁷ Колосов В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис.1994. № 6; Марченко Г.В. Россия между выборами // Там же.1996. № 2; Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999; Петров Н., Титков А., Электоральный ландшафт // России в избирательном цикле 1999 - 2000 годов. М., 2000.

рассматривали М.М. Кириченко, Е.В. Морозова, А.В. Баранов, А.И. Кольба⁸. В-третьих, политические предпочтения кубанцев изучаются с точки зрения элитологии А.К. Магомедовым, М.М. Кириченко⁹. Но в исследовании темы остается немало публицистических суждений, быстро теряющих значимость. Чаще всего изучается краткий временной интервал (1-2 года). Слабо анализируются социально-исторические предпосылки типов голосования. Редко рассматриваются внутрорегиональные вариации голосования.

Объект нашего исследования - политические предпочтения избирателей-горожан. Временные пределы анализа заданы выборами в Государственную Думу РФ 1999 и 2003 гг.

Цель работы - проверить гипотезу о типе структуры электорального пространства, по которой преобладающими факторами голосования являются социокультурные расколы¹⁰: "город-село" и "казачьи-неказачьи исторические традиции местных сообществ".

Задачи работы таковы: 1) определить факторы влияния партий и предвыборных объединений на предпочтения жителей региона; 2) выявить пространственные ареалы влияния основных партий и их изменения; 3) сравнить политические ориентации избирателей субрегионов.

Региональная политическая культура может быть определена как система познаний членов сообщества о своей самобытности, эмоциональных состояний, ориентаций, установок и норм деятельности людей по поддержанию своей идентичности. Региональная политическая культура является субкультурой по отношению к общегосударственному и международному уровням пространственных социальных явлений. Для субрегионального и локального уровней сообществ она, напротив, играет системообразующую роль. Основная функция региональной политической культуры – обеспечение преемственности традиций, реализация задач политики на своем уровне пространственной организации общества.

⁸ Кириченко М.М. Какого цвета электоральная карта Кубани? // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2000. №1; Морозова Е.В. Политическая коммуникация и политическая реклама на выборах губернатора Краснодарского края // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России. М., 2002; Баранов А.В. Политические партии и объединения Кубани: география электоральной деятельности // Там же; Кольба А.И., Кольба Н.В. Выборы в Законодательное собрание Краснодарского края в контексте трансформации региональной политической системы // Человек. Сообщество. Управление. 2002. № 4.

⁹ Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? М., 2004. С.267-311.

Одной из подсистем региональной политической культуры выступает аналогичная культура субрегионов – территорий, объединяющих ряд местных (локальных) сообществ и отличающихся по своему облику от других. Наиболее подробная и обоснованная классификация уровней политического пространства дана Р.Ф. Туровским. Он предпочитает обозначать эти уровни географическим понятием «культурные ландшафты». Уровню региона в такой трактовке соответствует «край», а субрегиону – «земля»¹¹. Мы не считаем эти названия удачными, они надуманны и не встречаются в обыденном сознании.

Системообразующие факторы культуры таковы: природно-географический (территориально целостное и своеобразное пространство); исторический; экономический; социальный; ментальный (социокультурный); международный; политическое позиционирование сообщества. В их системе может выходить на первый план любой из факторов, что зависит от специфики менталитета жителей территории.

Основные черты электората Кубани, вкратце, таковы. Краснодарский край занимает 3-е место в РФ по численности избирателей (3.857.992 внесенных в списки), что обеспечило формирование 8 одномандатных округов по выборам депутатов Госдумы. В сравнении с выборами 1999 г. электорат умножился, что позволило разукрупнить округа и приблизить их по численности избирателей к среднероссийскому уровню (468 тыс. по стране, 482 тыс. по краю)¹². Для политических предпочтений кубанцев характерны черты традиционализма и этатизма большинства при наличии лакунарных "очагов" относительно либерального голосования. Горожане составляют в крае лишь 54% населения. Интеллигенция относительно малочисленна и может влиять на голосование только в 5 крупнейших городах (Краснодар, Сочи, Новороссийск, Армавир, Туапсе). Регион имеет одну из наиболее пожилых структур электората в РФ (18-е место по среднему возрасту). Остро выражены этнокультурные и религиозные размежевания избирателей, миграционная проблема и межэтнические отношения постоянно считаются в массовом сознании одной из приоритетных проблем политики. По типологии вариантов партогенеза, предложенной Е.В. Белокуровой, Кубань можно отнести к государственно-корпоративному, а не к партнерскому или либерально-корпоративному типам¹³. Партии

¹⁰ Rokkan S., Urwin D. *Economy, Territory, Identity*. Beverly Hills; London, 1983; Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments* // *Party Systems and Voter Alignments* / Ed. by S. Lipset and S. Rokkan. N.Y., 1967. P.1-64.

¹¹ Туровский Р.Ф. *Культурные ландшафты России*. М., 1998. С.51.

¹² Расчеты даны по сайтам Центризбиркома РФ и избирательной комиссии Краснодарского края: <http://www.cikrf.ru> и <http://izbirkom.krasnodar.info>

¹³ Белокурова Е.В. "Третий сектор" и региональные власти // *Политическая социология и современная российская политика*. СПб., 2000. С.272-294.

имеют преимущественно "городскую" социальную базу. Сельские жители голосуют чаще всего в соответствии с волей местных и региональных властей, т.е. проявляют качественно иной, чем жители крупных городов, набор стереотипов своих предпочтений. Совокупность всех обрисованных выше факторов объясняет слабую "укорененность" партий в массовом сознании регионального сообщества.

В 1990-х гг. голосование кубанцев служило одним из ярких примеров "красного пояса". Однако на думских выборах 1999 г. и президентских выборах 2000 г. произошел значительный сдвиг предпочтений в пользу центристских сил, ярче выявились внутрикраевые различия в симпатиях избирателей. Для корректного сравнения предпочтений на длительном отрезке времени мы предложили агрегировать показатели голосований по партийным спискам в системе координат: "национал-консерваторы", "либералы", "центристы-партия власти", "левоцентристы (социал-демократы)", "коммунисты." Эта шкала позволяет абстрагироваться от сиюминутных подробностей, сосредоточиться на главных тенденциях выборов.

Данные таблицы позволяют подтвердить коренной сдвиг партийных предпочтений от коммунистов в пользу "Единства", а позже - "Единой России". Можно возразить, что такова общая тенденция выборов 2003 г. по стране и усматривать её причину лишь в "административном ресурсе". Но, на наш взгляд, это будет поверхностным взглядом на проблему. Более корректно искать причины отказа в доверии КПРФ в акцентировании государственного патриотизма и консерватизма, традиционно влиятельных для кубанцев. Тем же объясняются успехи ЛДПР и "Родины", игравших на аналогичных чувствах с целью перехвата голосов избирателей КПРФ. Названные выше черты регионального менталитета накладываются на субъективную готовность участвовать в предпринимательстве и государственном строительстве, образуя в итоге причудливый феномен "бизнесмена-патриота", сторонника "самобытного, народного капитализма". В сознании избирателей этот образ противопоставляется образу "московского финансиста-космополита", проводника западных интересов и угнетателя малоимущих регионов. "Дело ЮКОСа" и последующие пиар-эффекты были восприняты названным сегментом избирателей весьма положительно.

Таблица

**Голосование избирателей Краснодарского края
на выборах Государственной Думы по партийным спискам
(в проц. от явившихся)**

| Агрегированные индикаторы | 1993 г. | 1995 г. | 1999 г. | 2003 г. |
|--|---------|---------|---------|---------|
| Явка на выборы (в проц. от числа избирателей) | 56,7 | 60,2 | 58,6 | 52,4 |
| Национал-консерваторы ¹ | 24,8 | 21,8 | 4,8 | 12,4 |
| Либералы ² | 26,9 | 6,5 | 10,7 | 4,9 |
| Центристы-партия власти ³ | 6,8 | 6,8 | 32,8 | 38,3 |
| Левоецентристы ⁴ | 7,4 | - | - | 14,2 |
| Коммунисты ⁵ | 16,4 | 30,7 | 36,9 | 17,2 |
| Прочие | 17,7 | 34,2 | 14,8 | 13,0 |
| Удельный вес партий и движений, набравших более 5 % голосов явившихся на выборах граждан | 90,7 | 65,7 | 70,8 | 77,4 |

Примечания.

¹В 1993 г. - ЛДПР. В 1995 г. - КРО (6,6 %), ЛДПР (15,2%). В 1999 и 2003 гг. - ЛДПР.

²В 1993 г. - "Яблоко" (9,5%), "Выбор России" (11,8%) и Демократическая партия России (5,6%). В 1995 г. - "Яблоко". В 1999 г. - "Яблоко" (4,6%) и СПС (6,1%). В 2003 г. - "Яблоко" (2,8%) и СПС (2,05%).

³В 1993 г. - ПРЕС. В 1995 г. - "Наш дом - Россия". В 1999 г. - "Единство" (27,8%) и "Отечество - Вся Россия" (4,99%). В 2003 г. - "Единая Россия".

⁴В 1993 г. - Аграрная партия России, в 2003 г. - "Родина".

⁵В 1993, 1999 и 2003 гг. - КПРФ. В 1995 г. - КПРФ (24,5%) и радикально-коммунистические блоки (6,2%).

Источники: Колосов В.А., Криндач А.Д. Указ. соч. с.133; Чугров С.В. Электоральное поведение российских регионов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6. С.27-39; Рабочая тетрадь "Политический маркетинг". Краснодар, 2000. Прилож. С.1-4; <http://www.izbirkom.krasnodar.info>

Кратко рассмотрим пространственные ареалы влияния основных партий на Кубани. Источниковую основу для выводов составили результаты выборов в Госдуму по городским и сельским районам за 1999 и 2003 гг.

"Единая Россия" вышла на среднероссийский уровень влияния (37,0%) за счет перехвата национал-консервативных и социальных лозунгов, а также благодаря смене

политических симпатий губернатора А.Н. Ткачева (перешедшего из КПРФ в ЕР). Разброс голосов по краю за "Единую Россию" мал, но всё же видна тенденция пониженной поддержки в Краснодаре (34,3%) и периферийных сельских районах. Наибольшую поддержку оказали горожане Сочи и Туапсе (39,5%).

КПРФ потерпела, как и во всей стране, жестокое фиаско. Но всё же она сохраняет потенциал поддержки 17,2% (в полтора раза выше среднероссийского). Наибольшую опору КПРФ имеет в окраинных сельских районах (Каневском, Крымском), в Тихорецком и Армавирском одномандатном округах (т.е. сельских местностях с лакунарным положением городов). Как и прежде, самая малая поддержка КПРФ - в Новороссийске и Туапсе (по 13,2%), в Сочи (14%). Электорат КПРФ сосредоточен вдали от оживленных коммуникационных потоков и крупных городов, в бывших казачьих районах края.

Неожиданностью стал успех ЛДПР и "Родины". Но их территориальная поддержка противоположна. За ЛДПР голосуют прежде всего жители Черноморского побережья и восточной части края, а меньше всего - в г.Краснодаре (9,5%). "Родина" получила основную поддержку как раз в краевом центре (13,7%) и прилегающих казачьих районах, а наименьшую - на Черноморье и востоке края.

"Яблоко" и СПС, как всегда, провалились на Кубани. Избиратель невосприимчив к "любовой" пропаганде либеральных ценностей, а рекламные уловки вызывали скорее отторжение, чем приязнь. Изолированными очагами поддержки правоцентристов остаются Краснодар (4,4 и 3,4% соответственно), Сочи (3,7 и 3,1), Туапсе (3,7 и 3,7%). Малые и средние города обычно отказывают либералам в поддержке, предпочитая "Единую Россию". Имеется поддержка СПС и "Яблока" только в городах с населением свыше 200 тыс. чел., как правило, за пределами исторического проживания казачества.

На наш взгляд, социокультурный раскол «город - село» накладывается, взаимоусиливается расколом «казачьи – неказачьи местности», до 1937 г. делившему пространство нынешнего Краснодарского края по Большому Кавказскому хребту. До 1920 г. Кубанская область имела войсковое казачье управление. Черноморская губерния от Новороссийска до Гагр никогда не была казачьей и автономной.

Черноморское побережье в составе Краснодарского края дает России единственный выход к Черноморско-Средиземноморскому бассейну, обеспечивает львиную долю доходов РФ от туризма и курортного лечения. Субрегион – важный стратегический плацдарм влияния на соседние страны СНГ, Балканы, Ближний Восток. С другой стороны, Черноморское побережье крайне интересно в качестве своеобразной “политико-культурной аномалии” внутри Краснодарского края.

Черноморское побережье Краснодарского края может быть отнесен к сравнительно редкому варианту субрегиональных культур, т.е. к политико-культурным лакунам. Термин впервые применил Л.В. Смирнягин для обозначения территорий, резко контрастирующих по своему политическому сознанию и ориентациям деятельности с таксономической единицей более высокого ранга, в состав которой лакуны входят. Лакуны выделяются внутри сравнительно однородной региональной политической культуры собственной системой познавательных, эмоциональных и оценочных ориентаций¹⁴.

Последующий сравнительный анализ лакун и «типичных» территорий позволит качественно усовершенствовать методы сравнительной политологии, регионального управления и других отраслей знания.

Природно-географический фактор лакунарности Черноморского побережья очевиден. Субрегион ограничен труднопроходимым Кавказским хребтом, морем, государственной границей с Грузией. Он имеет отчетливые климатические отличия от большей части Краснодарского края. Относительно «расплывчатой» является только северо-западная граница, проходящая между Анапским и Темрюкским районами. Диффузной зоной можно считать Крымский район по северную сторону Кавказского хребта.

Исторический фактор становления субрегиона включает в себя следующие индикаторы. Во-первых, позднее вхождение побережья в состав Российской империи (юридически – в 1829 г., фактически – после Кавказской войны, в 1864 г.). Во-вторых, почти всю свою историю до 1937 г. субрегион был отдельной административной единицей, самостоятельной от Кубанской области. В-третьих, Черноморское побережье в силу особенностей климата и экономики заселялось крестьянами, а позже – рабочими и торговцами разной этнической идентичности. На Кубани 45% населения в 1926 г. составляли казаки, которых почти не было в Черноморской губернии. В порубежных Анапском и Крымском районах казаки составляли соответственно 50,4% и 16,9% жителей¹⁵.

Экономический фактор состоит в значительных отличиях структуры сельского хозяйства, курортного и медицинского дела, промышленности и транспорта субрегиона от структуры экономики края. Побережье всегда имело повышенные возможности финансирования из федерального бюджета. Транспортная и информационная сеть

¹⁴ Смирнягин Л.В. Регионы США. М., 1989. С.30; Морозова Е.В. Указ.соч. С.79-80.

территории ориентирована по оси Новороссийск – Адлер и имеет на протяжении почти 400 км лишь 3 выхода к северу от Кавказского хребта.

Социальный фактор образования региональной культуры вбирает в себя: повышенную урбанизированность Черноморья (72% на фоне 53% общекраевых по переписи 2002 г.)¹⁶; значительную вторичную занятость в «теневой» экономике и курортном обслуживании; повышенную мобильность и относительно высокий уровень жизни населения. По расчетам группы кубанских социологов, Черноморье относится к субрегионам с преобладанием славянского старожильческого населения, где за 1989-2002 гг. особенно интенсивно растут переселенческие этнические меньшинства. Подчас вынужденная миграция сопровождается этническими конфликтами и даже сменой культурной идентичности малых населенных пунктов¹⁷.

Ментальный (социокультурный) фактор самобытности проявляется в диалектах русского языка, своеобразном восприятии пространства (дихотомия: «у нас» и «у них на Кубани, за горами») и времени (цикличность курортных сезонов постепенно вытесняется в сознании «линейным» временем постиндустриальной экономики). Полиэтническое Черноморье – зона многовековых контактов цивилизаций: православной, исламской и светской западной. Новейшие технологии информации и коммуникации закрепляют социокультурный «рубеж» между краем и побережьем. Например, космополитичный образ жизни москвичей представляется сочинцам и новороссийцам более близким, чем относительно традиционный быт станиц Кубани и г. Краснодара.

Вовлеченность субрегиона в международные отношения значительно выше, чем Краснодарского края в целом. Именно портовые города побережья стали в 1990-х гг. центрами внешней торговли с Турцией и странами Ближнего Востока. В Новороссийске недавно открыто консульство Турции. Коммерческие фирмы стран Черноморского бассейна в первую очередь вкладывают средства в инфраструктуру побережья. На Черноморье падает львиная доля издержек по обустройству российского военного флота и пограничной службы. Здесь наиболее остро ощущается геополитическая угроза дезинтеграции России под напором этносепаратизма и зарубежных конкурентов¹⁸.

¹⁵ Казачество Северо-Кавказского края: Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. III – IV, 28-29.

¹⁶ См.: Беликов М.Ю. Северный Кавказ: асимметрия социально-экономической сферы и пути ее оптимизации (географический аспект). Дис. ... д-ра геогр. наук. Краснодар, 2002.

¹⁷ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000. С.143-146, прилож.; Аналитический отчет по материалам социологического и социально-психологического исследования проблем толерантности во взаимодействии мигрантов и принимающего общества в Краснодарском крае. Краснодар, 2002.

¹⁸ См.: Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы / Предс.редсовета В.В. Журкин. М., 2001. С.183-203, 240-280; Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Ставрополь, 2001. Ч.1. С.22-25.

Своеобразное политическое позиционирование сообщества проявляется в мнениях, ориентациях и действиях граждан. Наиболее операциональный индикатор политического позиционирования, на наш взгляд, дают итоги выборов в Государственную Думу РФ. Эти выборы создают общероссийскую «систему координат», что делает возможным корректные сравнения. На выборах Президента РФ, главы администрации региона и Законодательного собрания края расстановка сил запутывается, т.к. персональные предпочтения становятся более важным мотивом выбора, чем идеологии. Тем более не подходят для общей модели явления результаты муниципальных выборов, на которых персональный фактор господствует. В Краснодарском крае к общим закономерностям выбора индикаторов добавляется однопартийность краевого уровня власти, т.к. 50% депутатов ЗСК избраны от левопатриотического блока «Отечество (Кондратенко), а действующий губернатор А.Н. Ткачев получил доверие в 2000 г. 81,8% электората, а в 2004 г. – 84 %¹⁹.

Анализ выборов в Государственную Думу РФ (1999 г.) на уровне районов и городов доказал значительные различия ориентаций граждан Черноморского побережья и всего Краснодарского края. Явка избирателей по краю составила 2251,4 из 3848,7 тыс чел. (58,5%), а по Черноморскому побережью – 465,4 из 850,7 тыс чел.²⁰ (54,7%). Самая влиятельная на Кубани партия – КПРФ набрала в среднем по краю 36,8% голосов явившихся граждан, а по районам Черноморья – 22,8%. Наименьшее доверие КПРФ выразили жители крупных городов – Новороссийска (от 9,8 до 22,8% по 4 районам) и Сочи (от 21,1 до 26,5%), что и определило итог выборов. Для остальной территории Краснодарского края, напротив, типично мнение станичных сообществ, а не крупных городов. СПС как яркое олицетворение либерально-западнической субкультуры набрал в среднем по краю 6,05% проголосовавших, а на Черноморье – 8,04%. Наибольшее доверие СПС проявилось в 3 районах Большого Сочи – от 9,4 до 15,5%. Аналогично распределение голосов «Яблока». Вместе с тем влияние блока «Единство» было сравнительно равномерным (27,8% по краю и 29,0% на побережье).

На выборах 2003 г. явка избирателей еще более сократилась. При среднекраевом участии 52,4 % граждан, имеющих право голоса, в районах Черноморья явка составила от 40,1 % (Адлерский район г. Сочи) до 53,5 % в г. Анапе и 55,5 % в Темрюкском районе. Наблюдалось постепенное нарастание уровня участия в выборах по географической оси с

¹⁹ Политический процесс и Юг России. Армавир, 2002. С.251.

²⁰ Расчеты А.В. Баранова на основе сведений Краснодарской краевой избирательной комиссии. Подробнее см.: Рабочая тетрадь «Политический маркетинг». Краснодар, 2000. Прилож.1-4; <http://izbirkom.krasnodar.info>

юго-востока на северо-запад. Это объясняется низкой степенью идентификации с Краснодарским краем в Сочи и Туапсе.

“Черноморская политическая аномалия” внутренне разнородна по партийным симпатиям. Полюс наибольшего влияния СПС отмечен в Центральном (6,1 %) и Хостинском (4,2 %) районах г. Сочи. Наибольшее влияние РДП “Яблоко” в тех же районах (6,5 % и 5,1 %). Наименьшее влияние либеральных партий – в казачьих по истории и культуре Темрюкском и Анапском районах, в пролетарском Восточном районе Новороссийска (1,7 и 2,7 % у СПС и “Яблока”). Бросается в глаза повсеместное опережение “Яблока”, что вызвано полевением электората, вопреки слабому менеджменту кампании.

Спад влияния КПРФ и торжество “Единой России” находятся в положительной корреляции. КПРФ смогла набрать свыше 14 % только в Темрюкском (17,9 %) и Анапском (14,3 %) районах побережья. “Полюс недоверия” КПРФ по-прежнему – в Центральном районе Сочи (8,5 %).

Голосование в пользу “Единой России” довольно равномерное на уровне думских округов. Но спускаясь на уровень административных районов, обнаруживаем значительный разброс итогов: от 35,7 % в Центральном районе Сочи и 34,8 % Темрюкском районе до 44,5 % в Адлере.

Жители побережья, в отличие от компании 1999 г. оказали повышенное доверие национал-консервативным и социал-патриотическим силам (ЛДПР, “Родине”). Ведущая причина этого, возможно, – миграционная проблема и ее следствия: резкие перемены этнокультурного состава жителей, криминализация. Протестные голоса в силу неприятия коммунизма отходят к “третьей силе”, которую виртуально репрезентировали Глазьев и Жириновский. Причем поддержка ЛДПР равномерна по районам: от 10,4 % до 12,7 % Разброс уровня поддержки “Родины” сильнее: от 7,7 % (Адлер) до 13,3 % в центре Сочи.

Абсолютно искусственной мерой стала нарезка думских избирательных округов. Побережье дало основу территории и населения 3 из 8 думских округов в Краснодарском крае: Апшеронского, Туапсинского и Крымского. Казачьи по идентичности и аграрные районы Закубанья: Абинский, Крымский, Северский, Горячеключевской, Белореченский, Апшеронский, а тем более Славянский районы на северном берегу р. Кубань абсолютно не сочетались по типу голосования с урбанизированным побережьем.

Отметим манипулирование нарезкой избирательных округов (джерримендеринг). Жители г.Краснодара, склонные в большей мере поддерживать либеральные силы, искусственно разделены между 2 избирательными округами с солидным “довеском” сельских жителей. Избирательные комиссии 4 округов из 8 размещались не в крупнейших

населенных пунктах. Большой Сочи совершенно надуманно был объединен в 39-й Апшеронский округ с 3 сельским районами, отрезанными... Большим Кавказским хребтом. В будущих избирательных кампаниях данный фактор наверняка сыграет свою роль в переделе голосов.

Анализ ареалов влияния основных партий и движений подтверждает несовершенство существующих рубежей 8 избирательных округов, что трудно объяснить иными причинами, кроме джерримендеринга.. На наш взгляд, 4 административных района г. Краснодара нужно воссоединить в общегородском округе (587,3 тыс. избирателей). При необходимости от Краснодарского округа можно будет отделить населенные пункты с преобладающими сельскохозяйственными занятиями, удаленные от собственно краевого центра. Новороссийский округ мог бы включить в свой состав Крымский район и передать в состав Прикубанского округа Славянский район, что не отразится на числе избирателей. Из Туапсинского в Прикубанский округ можно передать Горячеключевской район (40,8 тыс. избирателей). Прикубанский округ также мог бы получить Тимашевский (86,6 тыс.чел.) и Кореновский (65,0 тыс.чел.) районы.

Эти изменения в «нарезке» избирательных округов позволили бы обеспечить сходство хозяйственных, географических, историко-культурных индикаторов политического пространства. На наш взгляд, социокультурная однородность территории избирательных округов гораздо полезнее для объективности получаемых итогов голосования, чем формально равное количество избирателей. Степень отклонения числа голосующих от среднекраевого (482 тыс.чел. на 1 округ) не возрастет в сравнении с нынешней и составит максимум 7 – 8% .

По итогам исследования можно сделать выводы.

Политическое пространство Краснодарского края неоднородно. Его базовый социокультурный водораздел проходит между бывшей Кубанской казачьей областью и Черноморской губернией по природной границе – Кавказскому хребту. Внутренние расколы обеих микрорегиональных общностей относительно слабы.

Факторы существования и развития политической культуры субрегиона усиливаются в том случае, если их направленность действия и территориальные рубежи совпадают, как это наблюдается на Черноморском побережье Кавказа.

Императивы усиления Российского государства, укрепления целостности страны и отражения вероятных геополитических угроз настоятельно требуют разработать программу интеграции Черноморского микрорегиона с большей частью Краснодарского края. Создание Южного федерального округа предоставляет возможность обеспечить

интеграцию на двух территориальных уровнях: региональном и макрорегиональном, уменьшить конфликтность центристических процессов.

В итоге анализа мы полагаем, что преобладающими долгосрочными «водоразделами» внутри региональной политической культуры Юга России являются: «город-село» (степень урбанизированности) и исторический статус территории в составе России (местность с гражданским управлением либо казачьи области). Наибольшее ситуативное влияние на лакуарность местных сообществ оказывают миграционный и этнополитический факторы, уровень жизни населения и интегрированность во внешнеэкономические связи.

Проведенное исследование является предварительной стадией сравнительного анализа политических культур субрегионов.